

ПРОСТРАНСТВО И ПРИЗНАК КАК МЕХАНИЗМ ОБРАЗОВАНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ФОРМ В СВЕТЕ ТЕОРИИ ПРЕДМЕТА ЛИНГВИСТИКИ

НИЙОЛЕ ЛУКШИТЕ

Понятия пространства и времени как объект языкознания интересуют лингвистов в связи с трактовкой языка как отражения, категоризирующего мир в познавательной деятельности человека. Своебытность картины мира как достояние народа, фиксируемого в языке, находилась в центре внимания В. фон Гумбольдта, Э. Сэпира, Б. Л. Уорфа. В языкознании Советского Союза проблемы познания решались как неотделимая часть марксистской философии, которая опиралась на тезисы К. Маркса, Ф. Энгельса и Ленина, но не смогла разработать единого методологического подхода, дающего возможность объединить в систему все категории диалектического материализма и определить содержание и взаимоотношение таких понятий, как материя – общество – индивид, с одной стороны, идеальное – общественное сознание – сознание, с другой стороны, и сопоставить их как противоположности абстрактного – конкретного, общего – отдельного. Новый интерес к познавательным процессам человека возродился со становлением когнитивной лингвистики, существующей чуть больше четверти века, которая представляет собой своеобразную реакцию на последствия научно-технической революции – деградацию человеческого фактора, пытаясь обратить внимание на суть бытия человека – сознание и интеллект. В связи с таким подходом к языку возобновляется интерес и к пространству как инструменту анализа (Кубрякова, 1997). Следует отметить, что интересующий нас аспект понятия пространства не соответствует установкам когнитивной лингвистики, так же как и пониманию этой категории как определяющей, наряду с категорией

времени, картину мира. Если понимать картину мира как общественное сознание, то в первую очередь следует подчеркнуть, что образ мышления, фиксированный в этой картине, нельзя отождествлять с процессом мышления как физиологической деятельности человеческого мозга. Картина мира фиксируется в языке неотделимо от процесса становления языка, который представляет собой продукт речевой деятельности человека, определяющий становление самого общества. Общество и язык, воплощающий картину мира, являются понятиями взаимообуславливающимися и взаимопределяющимися, составляющими план „общего“, по отношению к которому существует понятие индивида (яловека) как понятие плана „отдельного“. Такая система понятий и определяет дальнейшее рассмотрение взаимоотношения картины мира и процесса мышления, выявляющее понятие методологии как принципиальное в формировании объекта лингвистики. Поиск специального методологического подхода обусловлен тем, что картина мира как понятие плана „общего“ представляет собой сущность идеальную, анализ которой не отождествляется с анализом процесса мышления, имеющего физиологическую основу в качестве деятельности мозга и генерирующего логические понятия как предпосылку такой деятельности. Неосознание разницы методологического подхода к двум разновидностям идеального привело к утверждению Сэпиром и Уорфом о специфичности психики индейских племен, которая ставилась в прямое отношение со спецификой картины мира, фиксированной в формах языка. В этом отношении можно вспомнить идеи Л. Вейсгербера, который, рассматривая названия овощей и фруктов немецкого языка, внутреннюю форму образа предмета сопоставлял с научным мышлением и специфичность картины мира трактовал как оценку объективной реальности общественным сознанием. Русские ученые советского времени под влиянием ленинской теории познания были склонны определять языковую реальность по отношению к материальной основе процесса мышления-деятельности мозга и отстаивали приоритет мышления как единственной достоверной формы отражения; хотя они и не отрицали существования образов общественного сознания, тем не менее не смогли дать методологичес-

кое основание этой разновидности идеального и тем самым создать конструктивную критику „буржуазных“ ученых. Споры, касающиеся идеального содержания языка как отражения (в том числе и постановка вопроса о значении и понятии в 60-тые–70-тые годы (Колшанский, Резников, Чесноков), говорят о том, что лингвистика нуждается в потребности концептуализировать свой объект и осмыслить язык, создавая самостоятельный теоретический объект, который можно было бы назвать предметом лингвистики. Такая процедура подразумевается в первую очередь как определение понятия „общественное сознание“, которое охватывает не только „картину мира“, но и язык как семантическую сущность вообще. Такой подход предполагает идеализацию понятия „средство общения“, анализ которого исключает рассмотрение лексико-грамматической системы языка в плане речевой деятельности человека: лингвистика, рассматривающая эту область человеческой деятельности, не абстрагирует свой объект исследования от явления „человек“, поскольку подходит к нему комплексно, т. е. как к определенной психической сущности, находящейся в определенном отношении к внешнему и внутреннему миру и сосуществующей с ними благодаря речемыслительным процессам. Тот аспект языкознания, который рассматривает языковые факты неотделимо от человеческого бытия, абсолютизирует план „отдельного“ понятия „язык“, это означает, что и понятие „средство общения“, соответствующее „общественному сознанию“, отождествляется с результатом деятельности отдельного индивида, поскольку общество представляется как совокупность тождественных с точки зрения речемыслительных индивидов, что говорит о механическом понимании как общества, так и речемыслительного процесса. Для того, чтобы не отождествлять объект языкознания с планом „отдельного“ средства общения, следует использовать философские категории материи и идеального как определяющие социальные понятия и общества, и языка, так как они являются предельно широкими абстракциями, обобщающими бытие как экзистенцию человечества. Трактую понятия общества и языка как взаимоопределяющиеся и взаимообуславливающиеся, мы должны их связать с процессом эволюции становления

и существования бытия нашей планеты как развитием материи и различить разные этапы ее развития – неживая природа, живая природа и общество как форма существования общественной разновидности материи („общественная форма движения материи“ – Маркс). Считая язык идеальным продуктом общества, мы можем осмыслить тезис Маркса о гносеологической связи этого идеального и общественной формы разновидности материи таким образом, что становление языка, неотделимое от становления общества, можем трактовать как воплощение материи и ее свойства. Из этого вытекает, что свойство материи представляет собой не что иное, как идеальное – язык, имеющее материальную форму воплощения, как и все явления, относящиеся к идеальному бытию. Вместе с тем можно уточнить понятие бытия по отношению к понятию материи: это – понятие, именуемое объективный мир как сферу явлений, которые по природе являются материальными или идеальными, несмотря на то, что идеальные явления существуют через их материальное (вещественное) воплощение.

Отождествление свойства материи с языком означает, что понятие языка приобретает новый параметр, поскольку его статус как „общего“ меняется на статус „абстрактного“ в связи с тем, что семантическая разновидность „идеальное“ расширяется до объема понятия материи, которое предполагается в аспекте высшей степени идеализации и представляет собой суть бытия как обобщение явлений вне фактора времени. Таким образом, образуется понятие материи, которое заключает в себе обоснование своего существования и причину своего развития. Поэтому предельно широкое понятие материи заключает способность разрабатывать свое свойство в качестве самопознания, которое определяется процессом самочленения. Язык и является той абстракцией, которая воплощает и средство, и результат этого членения. В качестве абстракции язык предполагается как сосуществующий с планом явлений, на котором происходит формирование познающего, т. е. формирующего членораздельную речь, индивида, взаимообуславливающегося с формированием общества. Таким образом, индивид как психическая сущность представляет собой

понятие плана конкретного как противоположность познающей себя материи – понятия плана абстрактного.

Определив язык как предельно широкое понятие идеального, мы имеем возможность формировать абстрактный объект „язык“ как предмет языкознания. Язык, трактуемый в плане свойства познающей себя материи, дает нам возможность придать новый параметр лексико-грамматической системе. В первую очередь следует сказать, что членение материи самой себя соответствует становлению членораздельной речи как процесса, соответствующего становлению общества. Об этом процессе можно судить по фактам языков разных типологических структур, интерпретируемым с точки зрения становления свойства материи, предполагающего разные этапы ее самочленения (опыт Н. Я. Марра). Ситуацию, находящуюся ближе к истокам, можно отождествлять с языками, характерными для племен и народностей примитивной цивилизации, структуру которых можно проанализировать по работам И. И. Мещанинова (1975, 1978). Самочленение материи следует связывать с образованием членораздельных комплексов, соответствующих категории предложения, предикативность которого соответствует актуальному членению как способу выделения членов предложения. Процесс самопознания материи углубляется с появлением идеализации более абстрактного порядка – образованием понятия части речи. Образование частей речи представляет собой способ идеализации членов предложения, группирующий слова в предметные и призначные, маркированные не в плане коммуникации, а на более абстрактном уровне осмысления этой роли слова как классификационной единицы специфического лексического содержания и соответственных грамматических признаков. С появлением части речи идеализируется и понятие предложения – из речевого знака оно становится языковой категорией, передающей предикативность не на уровне актуального членения, а на уровне гармонизации содержания предметных и призначных частей речи.

Материал языков народностей примитивной цивилизации, анализируемый И. И. Мещаниновым, дает возможность утверждать, что пути формирования фундаментальных категорий языка – слова, тео-

рия слова, части речи и предложения – не являются тождественными; такими не являются и взаимоотношения между ними, соответствующие определенному типу морфологического строя языка. Однако это не отрицает универсальность фундаментальных категорий языка, сложившихся в процессе познания материи самой себя, происходившего неотделимо от становления явлений „общество“ и „индивид“. Исторический период существования языка в качестве речемыслительных процессов индивида опирается на формы языка как результат предварительного членения объективного мира и параллельно протекающего процесса оперирования логическими понятиями. В исторический период человечества процесс речемышления создает предпосылку для нового этапа познания (членения объективного мира) – познающая себя материя вырабатывает новый способ самочленения и формирует отражение в качестве такой формы общественного сознания как наука.

Перейдем к вопросу обоснования фундаментальных категорий языка как форм идеального. Гносеологическая связь идеального с материей не означает, что понятие идеального представляет собой понятие „второго ранга“, подчиненное понятию материи. Материя и идеальное, резюмирующие существование явлений материального и идеального бытия, являются предельно широкими понятиями, обуславливающими и определяющими друг друга в одинаковой мере. Это означает, что понятие идеального обладает такими же признаками, как и понятие материи: оно является определяющим самое себя и заключающим в себе причину своего существования и развития. Таким образом, формирование фундаментальных категорий языка происходит как формирование определенного типа отражательных идеальностей, в которых преподносятся семантические понятия языка. Фундаментальные категории, сосуществующие со значениями, дают возможность говорить о единстве формы и содержания как признаке идеализированного понятия лексико-грамматической системы, представляющего собой предмет лингвистики.

Представляемое понятие предмета лингвистики имеет свой аналог, реализованный во взглядах французского ученого Гюстава Гийома

(G. Guillaume), который предполагал существование языка как идеального, расположенного на двух уровнях разной степени абстрактности: уровень языковых форм, обладающих содержанием „valeur“, и уровень значений словоформ – „effets de sens“. Характерная черта понимания Г. Гийомом языка как идеального состоит в том, что он оба типа абстракций отождествляет с уровнем сознания и тем самым признает существование „параллельного мышления“. Это означает, что понимание предмета лингвистики он определяет процессом речемышления и трактует лингвистику как науку об одной из психических деятельности человека, в работах его последователей (включая и Мориса Туссэна (Maurice Toussaint), три года (1968–1970) работавшего лектором на кафедре французского языка Вильнюсского университета) получившую название невролингвистики. В центре теории Г. Гийома находится картина мира, определяемая главными координатами отражения – пространством и временем, которые составляют содержание языковых форм в виде разных модификаций: имя связывается с пространством, глагол – с временем. Г. Гийом называет формирование содержания языковых форм психомеханикой как самостоятельной операцией сознания, поэтому это формирование не является диалектически связанным с уровнем значения словоформ, имеющим свои законы функционирования, которые, однако, реализуются в рамках содержания фундаментальных категорий языка. Поэтому мы предполагаем исследование языка как рассмотрение закрытой структуры, определяемой взаимообусловленностью и взаимоопределяемостью фундаментальных категорий языка, из которых самой абстрактной является категория предложения с содержанием предикативности; ей подчиняются категории частей речи как раскрывающие эту предикативность при помощи соотнесения предметной части речи (субъекта предикации) с призначной (предикат). Категория корня слова также является не только морфологическим понятием, но и понятием свойства материи, поскольку она указывает на возможность членения объективного мира на фрагменты, основой которых является предметность, осмысляющаяся в диалектической связи со своим признаком: качеством как абстракцией от статически су-

шествующего предмета и процессом как абстракцией от динамически существующих предметов. Предметность, качество и процесс являются исходным содержанием существительного, прилагательного и глагола, которые материализуются в слове неотделимо от перевоплощения определенного фрагмента объективного мира из материального бытия в идеальное неотделимо от его статической или динамической характеристики. Тем самым категория слова как единица речевой деятельности имеет свое содержание как абстракция свойства материи: понятие слова обуславливается единством понятий корня слова и части речи и является отражательным понятием, материализующим идеальность образа предмета. Это означает, что слово, воплощающее лексическую и грамматическую семантику как образную разновидность идеального (т. е. идеальность представленического типа), является образно-идеальным двойником вещи, а семантика как содержание предмета лингвистики – образное представление картины мира, которое предполагает свое единство не только с логическим понятием как элементом сознания, не входящим в структуру теоретического объекта „предмета лингвистики“, но и с фундаментальными категориями языка. Таким образом, анализируя грамматические формы, мы рассматриваем их содержание (*valeur*) как идеальности, но отождествляющиеся с образными (семантическими) идеальностями значений грамматических словоформ. Оперирование содержанием языковых форм можно именовать термином „языковое мышление“, хотя „мышление“ этого типа не может приписываться речемышлению, с которым отождествляется как гийомовская интерпретация языковых форм, так и картина мира.

Рассмотрение понятия пространства в языке подразумевается неотделимо от понятия предмета лингвистики, имплицитного „мышление языка“ как абстракцию категории идеального. Несмотря на то, что в грамматических исследованиях анализируются семантические признаки, ученые проявляют способность именовать и более абстрактное понятие – содержание языковой формы, вмещающее разные грамматические значения. Так, в связи с исследованием экзистенциальных предложений понятие пространства выдвигается как содер-

жание таких моделей, как „there is Y“ и „X has Y“ (англ. яз.) (Селиверстова, 1977). В работах О. Селиверстовой понятие пространства представляется как идеализация разных семантических понятий в связи с тем, что пространство мыслится неотделимо от понятия включения, существования определенного предмета в определенной среде, что составляет основу предикации: предмет и пространство сосуществуют в диалектической связи, при которой предмет получает статус свойства, признака (Селиверстова, 1983). Мы предполагаем, что понятие пространства и признака можно использовать для анализа более обширного круга языковых явлений в качестве механизма, формирующего образование языковой формы. В дальнейшем изложении мы попробуем показать, что этот механизм является одним из универсальных средств языкового мышления. В первую очередь обратим внимание на такие грамматические явления, которые по своей семантике сопоставимы с экзистенцией и пространством; одним из них является описательный текст. Текст как форма речи соответствует двум главным функциям средства общения – функции коммуникативной и когнитивной (познавательной). Описательный текст представляет собой определенную коммуникативную установку, при которой целью высказывания является преподнесение определенного фрагмента объективной действительности в рамках одного сверхфразового единства, характеризующегося как пейзаж, натюрморт, портрет. Поскольку нас интересует текст как форма языка, мы ограничиваемся от психологических предпосылок его формирования и характеризуем его как определенную структуру, фиксирующую отражение предмета речи. Описывая ситуацию как факт коммуникации, В. Гах (1973) употребляет термин „денотат“ как понятие, имеющее отношение к отражению, имея в виду предмет мира, именуемый существительным. Понимая текст как ситуацию, передаваемую комплексом предложений, мы можем утверждать, что подлежащие предложений представляют собой те имена, которые называют главные понятия отражаемого фрагмента и совокупность которых реализуется через расставление подлежащих, которые и формируют структуру текста как отражательного понятия. В этом контексте термин „денотат“ мы рассматриваем как

именующий образ предмета, материализованный в слове как лексической единице. Текст, фиксирующий пейзаж, натюрморт или портрет, представляет собой отражение определенного пространства: в первых двух случаях оно соответствует понятию физического пространства, в то время как портрет подразумевает лицо. Пространство, понимаемое как идеализованное понятие, составляет суть категории текста и тем самым выявляет подлежащие как понятия, имеющие генетическую связь с пространством, актуализующимся через понятие признака. Таким образом, подлежащие формируют целостность сложной ситуации как пространства, существование которого утверждается через его признаки. Рассмотрим несколько примеров.

(1) Ses gros yeux clairs étaient perdus dans le vague. A gauche du bureau, la chaise d'osier où je m'asseyais aux heures de travail. Derrière Hutte, des rayonnages de bois sombre couvraient la moitié du mur; y étaient rangés des Bottins et des annuaires de toutes espèces et de ces cinquante dernières années (M, Boutiques, 12). (2) Il jeta un regard rapide autour de lui. Les deux battants de la porte qui donnait accès à la petite pièce voisine étaient ouverts et l'on distinguait le canapé au velours usé, la cheminée, et la glace où se réfléchissaient les rangées d'annuaires et de Bottins et le visage de Hutte. Souvent nos clients attendaient dans cette pièce. Un tapis persan protégeait le parquet. Au mur, près de la fenêtre, était accrochée une icône (M, Boutiques, 12).

Оба примера описывают то же самое помещение – контору частного детектива, которое представляет собой пространство с предметами в нем, характеризующими. Помещение и предметы обуславливают друг друга как диалектическое единство, обеспечивающее существование пространства, именуемого конторой. Предметы, представленные в тексте, соответствуют специфике конторы – стул, полки и справочники; они передаются подлежащими, воплощающими образ этих предметов, которые выделяются как признаки. Природа признака раскрывается при помощи употребления неопределенного артикля. Можно утверждать, что существительные *des rayonnages, des Bottins* и *des annuaires* являются признаками, которые ак-

туализируют данное пространство и непосредственно указывают на категорию текста как коммуникативно-отражательную идеальность. Вместе с тем в плане текста как речевого образования неопределенные артикли раскрывают рематическую природу не только существительного, но и всего предложения, выявляя особенность актуального членения дескриптивного текста, при котором в роли данного выступает само помещение как исходная точка высказывания, а подлежащие с неопределенным артиклем указывают на то, что предложения становятся глобальным звеном информации, нейтрализующим их субъектно-предикатную структуру. В рассматриваемом отрезке текста выделяется также подлежащее *la chaise d'osier* с определенным артиклем. Это не означает, что упомянутое существительное лишается природы пространственного признака; это связано с тем, что текст как коммуникативно-отражательная структура предпочитает категории коммуникативные, а не отражательные. Употребление определенного артикля выявляет отношение предмета к автору текста и подчеркивает этот предмет как деталь „освоенного“ пространства, что характеризует принадлежность этого существительного (и предложения) к тематической сфере текста. Фамильярность этой детали как само собой разумеющегося элемента помещения выражается в придаточном предложении *où je m'asseyais aux heures de travail*. Характерным средством такого „освоения“ являются притяжательные прилагательные, которые актуальны при описании пространства „портрет“, где они выражают принадлежность части тела или одежды как „освоенное“ понятие этого пространства.

Рассмотренные примеры дают возможность утверждать, что актуальное членение, зависящее от отношения автора к предмету высказывания, определяется содержанием категории текста, природа которого выдвигает понятия признака, грамматически представляемого неопределенным артиклем; однако отражательная природа имени не всегда идеально актуализируется в конкретном тексте и остается имплицитной в связи со спецификой тематически-рематической структуры высказывания.

В другом (2) отрывке текста описание того же самого помещения характеризует большинство подлежащих с определенными артиклями (**les deux battants, les rangées d'annuaires et de Bottins, le visage**). Коммуникативные перипетии не затрагивают грамматическое выражение признака только в двух последних предложениях с подлежащими **un tapis, une icône**. Определенный артикль **les rangées** обуславливается анафорическим употреблением аналогичной группы предыдущего примера; **les deux battans de la porte, le visage de Hutte**, имеют характеристику определенности в связи со спецификой оформления групп существительного.

Следует также обратить внимание на употребление прямых дополнений **le canapé, la cheminée и la glace**. Позиция дополнения этих существительных соотносится со структурой сложного предложения и с употреблением относительного придаточного, которое повторяет предыдущую информацию и выявляет ее при помощи анафорического подлежащего. Дополнения представляют предметы смежной комнаты, содержание которой является также фамиллярным для автора (и персонажа), что эксплицируется предложением **Souvent nos clients attendaient dans cette pièce**. Упомянутые предметы – дополнения исключаются из ранга признака, но их употребление в рематическом составе подчеркивает их роль в передаваемой информации как предпосылку той, которая представлена в конце предложения и на которую падает акцент, несмотря на то, что в ней используется уже известное понятие.

Рассматривая роль подлежащего как структурного члена категории текста, следует обратить внимание на одно грамматическое средство, позволяющее манипулировать существительными для того, чтобы выявить некоторые из них как понятия призначные. Это форма **être + participe passé**, которая дает возможность ставить на место подлежащего имя, при соответственном глаголе выступающим дополнением. Будучи формой предикации именного признака, представляющего собой транспозицию глагола, и по природе определяющей как форма состояния, она обеспечивает структурную организацию признаков и коррелирует со статическим характером описания. В рассматриваемом примере (2) форма **être + participe passé** употреб-

лена два раза: подлежащее **Les deux battants de la porte** предидируется формой **étaient ouverts**, восходя в ранг коммуникативно определенного признака, в то время как подлежащее **une icône** предидируется формой **était accrochée**, признающее значение которого соответствует употреблению неопределенного артикля. Подлежащее входит в рематическую группу, противопоставляясь теме **près de la fenêtre**; рематическая его природа коррелирует с призначной и не подвергается никаким условиям коммуникативного плана, которые могли бы формировать определенное значение имени. Ярким примером иерархии имен при выявлении призначной природы существительного являются предложения с агентивным дополнением, выражающим субъект действия. Согласно логике описания в структурное понятие текста выдвигается не имя-субъект, а имя-объект. Например:

(3) Elle portait des bandeaux romantiques et ses yeux étaient ombragés par de longs cils noirs (S, Mort, 43).

Подлежащее **ses yeux** является признаком пространства „лицо“ с эксплицированным отношением принадлежности, а деталь **de longs cils noirs** в структуре текста получает второстепенную роль как зави-сящая от элемента **ses yeux**, хотя этот элемент как объект действия **ombrage** подчиняется субъекту **de longs cils noirs**.

В приведенных примерах можно обнаружить еще одну грамматическую черту, эксплицирующую признак в качестве рематического понятия – это инверсия подлежащего в последнем предложении второго примера.

Инверсия в описательном тексте синтетического языка является единственным способом грамматизации призначной и рематической природы подлежащего. Например:

(4) Toks jau buvo jis apraskytas ir iškoneveiktas, kad net koftu. Ant veido – vienos mėlynės ir guzaj, o kairiajame žande taip ir stovėjo įprasta arklio kanopa (B, Malūnas, 244).

В аналитическом языке при инверсии дублируется выражение рематической функции имени, передаваемое неопределенным ар-

тиклем. Употребление имени-подлежащего в конце ритмической группы или предложения может определяться синтаксическими и стилистическими причинами. Много примеров постпозиции подлежащего у Пруста; процитируем один из них:

(5) Au fond du salon de M. Vinteuil, sur la cheminée, était posé un petit portrait de son père (P, Swann, 169).

Связь неопределенного артикля с подлежащим описательного текста как способ маркирования призначного понятия раскрывается при анализе подлежащих, предидируемых формой *être + participe passé*. Если неопределенный артикль при таких подлежащих составляет 2% общего числа примеров, то в тексте, имеющем отношение к понятию пространства, он занимает 60%.

Выявление подлежащего как признака пространственной структуры текста говорит о специфике проявления предикативности описательного текста как отражения, что определяет генезис понятия номинативного предложения. Текст как пространство предполагает утверждение о существовании определенного фрагмента мира. Такая структура текста взаимодействует с элементами текста – предложениями, предикаты которых соотносятся с предикативностью текста и начинают нейтрализоваться, поскольку функция предикации перенимается подлежащими как признаками пространства, вследствие чего образуется новая форма предложения – предикативно маркированные существительные (подробнее см. Лукшита, 1989). Приведем примеры номинативных предложений как результат упомянутой операции языкового мышления (наряду с предложением примера *l'A gauche du bureau, la chaise d'osier*, предполагающего относительное придаточное).

(6) ... nous avons mis près de trois quarts d'heure pour arriver à destination.

Une sorte de bungalow dont un saule pleureur cachait la partie gauche (M, Boutiques, 19).

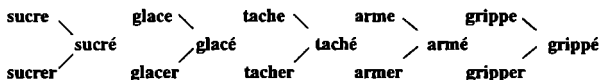
(7) Il était brun, comme Sonachitzé, et comme lui se teignait les cheveux. Une peau grumeleuse, des joues flasques et de minces lèvres de gastronome (M, Boutiques, 21).

Диалектическое единство пространства и признака как способ мышления языка проявляется и в области морфологии, а именно в словообразовании части речи именного признака, который выражается прилагательным и причастием. Во французском языке тождественность содержания прилагательного и причастия определяется тождественностью механизма, его формирующего (Лукшпите, 1985). Прилагательное связано с первичным функционированием этого механизма, который эксплицирует признак субстанции как ее неотъемлемую суть, в чем выражается содержание предикации), выявляя ее структуру и форму. Причастие представляет собой вторичное применение этого механизма, поскольку „снимает“ признак со субстанции, осложнившей свою структуру под влиянием процесса, с которым она находится в отношении переходности в связи с развитием структуры индоевропейского предложения. Морфология французского прилагательного и причастия указывает на тождественность содержания этих частей речи, несмотря на то, что причастие в грамматике определяется как отлагольное образование, имеющее специфические характеристики своей основы: -é, -i, -u (наряду с согласными -s, -t). В некоторых случаях морфологическая природа именного признака нейтрализуется, потому что именной признак характеризуется возможностью согласоваться с содержанием имени-подлежащего и этим выявляет свою „качественность“, о чем говорит и форма предикации être + participe passé (о типах „окачествления“ причастия см. Лукшпите, 1987). Характерно, что суффиксы причастий -é, -u используются в словообразовании и как суффиксы прилагательных (renommé, spontané, censé, aisé, têtue, barbu); существование параллельных форм как морфологических дублетов говорит о тенденции языка соблюдать разницу между морфологическими классами именного признака (courbatu – courbaturé, vermoulu – vermoulé) и одновременно утверждает об одной природе их содержания – оба суффикса относятся и к прилагательному, и к причастию. Эта связь проявляется и в историческом плане – причастия становятся прилагательными, когда соответствующий глагол становится непродуктивным или исчезает из системы языка (faux, épars, malade, benêt, clos, frit). Обратим внимание на группу

слов именного признака с формантом -é, -и и попытаемся объяснить причины, которые определяют такие слова как носителей именного признака с нейтрализованной морфологической природой. В словообразовательном плане такие слова характеризуются как отглагольные образования – причастия, а сам глагол сформирован на базе существительного. Примеры:

- (1) *Ma salive est sucrée, mon corps est tiède, je me sens fade* (S, Nausée, 129)
 (2) *Tâte ma main, dit Ivich, elle est glacée* (S, Age, 26). (3) *Pezner s'est relevé. Sa veste était tachée* (S, Mort, 78). (4) *Masson a fait un bond en avant. Mais l'autre Arabe s'était relevé et il s'est placé derrière celui qui était armé* (C, Etranger, 82).
 (5) *Je dirai que je viens de la part d'Andrée, qu' elle est grippée en ce moment* (S, Age, 25).

Причастия приведенных примеров составляют часть словообразовательной цепи: *sucré – sucrer – sucre; glacé – glacer – glace; taché – tacher – tache; armé – armer – arme; grippé – gripper – grippe*. Имея в виду именное содержание признака, мы можем утверждать, что причастия соотносятся в такой же мере с существительными, как и с глаголом:

В случае *sucré* и *glacé* противопоставление причастия глаголу является невозможным, поскольку их сочетание с подлежащими *salive* и *main* исключает возможность быть объектом действия *sucrer* и *glacer*. Это характеризует эти слова как прилагательные, поскольку они эксплицируют качество, формирующееся на основе структуры субстанции *sucré* и *glacé*, и определяют физические характеристики этих предметов. Качество не нейтрализуется и в том случае, когда характеризующееся им существительное подразумевается как объект действия: *le thé est sucré, la crème est glacée*. Попробуем интерпретировать такую предикацию не только как соотношение предмета с

качеством, но и как механизм языка, осмысляющий соотношение имени – субъекта предикации с другим именем и создающий предпосылку для транспозиции этого последнего в именную признак (*sucre – sucré*). В этом плане ситуацию *le thé est sucré* мы можем представить как результат действия, совершение которого осмысляется как манипуляция предметом *sucre*, что характеризует создавшееся положение как нахождение *sucre* внутри *thé*; это означает, что утверждается соотношение *thé – sucre* как нахождение *sucre* в определенном пространстве, превращающем *sucre* в свой признак. (В случае *glacé* такая трактовка возможна при ситуации *l'orangeade est glacée*, представляющей собой аналогию с *thé – sucre*). Упомянутое соотношение можно обнаружить во всех приведенных примерах и его передавать следующими схематическими изображениями:

Включение в пространство представляет собой идеализацию отношения принадлежности, обладания, нахождения, которое эксплицируется глаголом *avoir*. В лингвистической литературе глагол *avoir* упоминается как глагол существования наряду с *être* (Benveniste, 1952; Ginneken, 1939), его пространственная интерпретация широко применяется исследователями (Селиверстова, 1977). Природой глагола *avoir* как включающего признак в пространство можно истолковать и становление сложных глагольных форм с *avoir*: распад латинского сочетания *habeo epistolam scriptam* и сближение элементов *habeo scriptam* (*j'ai écrit*) обосновывается именно тем, что мышление языка акцентирует принадлежность признака к пространству и эксплицирует эту связь в качестве предикативной глагольной формы. Таким образом, механизм включения признака в пространство обосновывает транспозицию именного признака *écrit* в глагольный признак *écrite*.

Представленные нами схемы иллюстрируют транспозицию существительного в именную признак как операцию, не осложненную мор-

фологическими характеристиками причастия как отлагольного образования; морфологическая форма глагола иногда отдаляет причастие от существительного, что видно из следующих примеров: **ordre – ordonner – ordonné; culture – cultiver – cultivé; distinction – distinguer – distingué; animation – animer – animé**. Причастие сохраняет свою связь с именем как признак, предполагающий включение предметной характеристики **ordre, culture, distinction, animation** в пространство носителя, что предполагает формирование определенной структуры этого носителя как субстанции, которая обогащается признаком, эксплицированным формой причастия. Такую связь сохраняют и те признаки, которые морфологически не соотносятся с корнем существительного (**talent – doué**). Приведем примеры, которые позволяют конкретизировать понятие носителя и представить соответствующие схемы как иллюстрирующие процесс транспозиции признака – имени в признак-качество: (6) **La pièce est propre et ordonnée** (S, Mort, 159); (7) (...) **Alan déclara d' un ton docte que cette femme était très cultivée** (S, Nuages, 131); (8) **En le voyant avec sa femme, j'ai compris pourquoi dans le quartier on disait de lui qu'il était distingué** (C, Etranger, 34); (9) **La ruelle était animée** (S, Mort, 26); (10) **J' étais très doué pour les lettres** (A, Maxibules, 124).

Обобщая все то, что излагалось выше, можно назвать формант -é словообразовательным элементом, нейтрализующим противопоставление прилагательного и причастия как морфологических вариантов оформления именного признака.

Образование признака качества как операция языкового мышления, определенная взаимосвязью пространства и его признака, имеет место и в литовском языке. Характерно, что форманту -é соответствуют суффиксы -ėtas, -uotas, -otas, который относят именной признак в класс прилагательных. Сочетания **raukšlėtas veidas, džinsuotas jaunuolis, auska-**

rotos ausys разрешают представить прилагательные как транспонированные имена:

В некоторых случаях можно также предполагать прилагательное как образование отглагольное: **raukšlėti – raukšlėtas**, **(ap)džinsuoti – džinsuotas**; это подчеркивает и родственность суффикса прилагательного и форманта причастия. Однако модель формирования глагола, вписывающегося в систему имени и прилагательного, не является продуктивной: форма **auskaroti** практически невозможна, **(ap)džinsuoti** может быть стилистически терпима, **raukšlėti** не может предполагать **veidas** в качестве объекта действия. Существование описываемого явления в литовском языке говорит как об универсальности формы языкового мышления, так и об одинаковом содержании прилагательного и причастия как понятий именного признака.

В конце изложения о роли пространства при формировании именного признака можно отметить одну специфическую черту, представляющую собой явление бахуврихи (Степанов, 1981, 197); это формирование прилагательных типа голубоглазый (мальчик), красиво-дочерный (человек) (турецкий яз.), соотносящееся со схемами

Особенность такого формирования в том, что решающую роль играет не признак-предмет пространства, а признак-качество этого признака-предмета как его суть. Таким образом, прилагательные такого типа представляют собой транспонированное существительное с выявленной сутью, которая определяет формирование самого прилагательного. По-видимому, включение части тела или понятия, характеризующегося отношением родства, в пространство лица не является

причиной, вызывающей операцию языкового мышления, поскольку соответствующие имена осознаются не как диалектически противопоставляющиеся пространству, а как сливающиеся с ним, с ним отождествляющиеся. Понятия глаза и дочь могут транспонироваться в именную признак в связи с выявлением их особенности, что придает признаку характер отчужденности, противостояния пространству, что и позволяет образовать двужкорневое прилагательное, эксплицирующее транспонированный признак со своей сутью.

Универсальность механизма языка, использующего пространство и его признак при образовании языковых форм, можно обнаружить в структуре индоевропейского предложения и этим обосновать развитие явления переходности как схемы предложения $N-V-N_1-N_2$. Это явление мы интерпретируем как развитие глагольного признака. Суть этого развития в том, что появление существительного-дополнения при перестройке содержания глагола (Бенвенист, 1974) выражает специфичность не только призначной части речи – глагола, но и развивает содержание существительного в связи с тем, что оно включается в сферу выражения предикации как призначный член предложения. Развитие глагольного признака осуществляется при помощи двух существительных, что отражают сочетания типа *joncher le chemin de fleurs*, которые и станут объектом нашего рассмотрения. Следует отметить, что данная структура находится в центре внимания Ю. Степанова (1981, 302), который использует материал литовского языка (*nuberti kelią žirniais*). Анализ таких конструкций предполагает, что синтетический и аналитический тип языка не имеет принципиального значения для выражения предикации: соотношение содержания частей речи остается тождественным, несмотря на то, что аналитический язык идеализирует предметность как содержание имени и осмысляет ее как „субстанцию“, откуда вытекает и разница морфологического оформления упомянутых отношений. Ю. Степанов выделяет два пласта развития переходности: *berti žirnius – nuberti kelią žirniais*, в то время как французский глагол *joncher* актуализирует только законченную модель развития переходности: *joncher le chemin de fleurs*. Язык изменяет механизм развития цепочки дополнений N_1-N_2 как осмысление

пространственной ситуации, которую генерирует содержание глагола *joncher*. Приведем примеры с другими глаголами (в транспонированном виде) и отметим характер семантического отношения $V-N_1-N_2$. Следует отметить, что выявление N как члена призначной структуры $V-N_1-N_2$ чаще встречается при транспонированной форме глагола, т. е. при именном предикате *être + participe passé*, потому что включение этой структуры в предложение с именем-субъектом в роли подлежащего ($N-V-N_1-N_2$) ограничивает условия ее реализации в связи с семантическим содержанием имен, поскольку осложняет их возможность сочетаться в качестве субъекта, прямого и косвенного объектов. Классификацию семантических отношений этой структуры проиллюстрируем следующими примерами:

(1) *Les murs étaient couverts de mosaïques bleues et jaunes*: des poissons, des oiseaux, des palmiers (B, Sang, 137) (Распространение на поверхность.); (2) Il me semblait que j'étais rempli de lymphe ou de lait tiède (S, Nausée, 16) (Наполнение пространства.); (3) *Le bouquet était fait de sédum* (P, Swann, 139) (Структура.); (4) *Ce rêve fut imprégné de la fraîcheur* de l'eau courante (P, Swann, 102) (Проникновение, впитание.); (5) (...) *Marie était entourée de Mauresques* (C, Etranger, 108) (Окружение.); (6) *Véronka est traversée d'un frisson* (S, Mort, 65) (Орудие).

Все примеры выражают ситуации, семантически близкие понятию пространства, только последний пример, указывающий на орудие, способ действия, такой интерпретации не поддается. Все виды отношений актуализируют структуру $V-N_1-N_2$: (1) *couvrir les murs de mosaïques*, (2) *remplir qn de lymphe ou de lait tiède*, (3) *faire le bouquet de sédum*, (4) *imprégner le rêve de la fraîcheur*, (5) *entourer Marie de Mauresques*, (6) *traverser Véronka d'un frisson*. Употребление лица в роли дополнения исключает возможность актуализировать эту структуру в предложении (2, 5, 6), поскольку в этом случае сам член N_2 проявляет способность стать субъектом глагольной предикации и этим ограничивает появление третьего существительного при использовании этой структуры. Приведенные примеры отличаются особенностью соотношения лексических значений глагола и имен: N_2 синкретичес-

ки сливается с содержанием глагола, который в свою очередь имплицитно содержит N_1 . Особенно ярко это отражается в структурах с предметными именами конкретного значения (1, 3); такие структуры можно предполагать как генетически первичные, в дальнейшем расширившие круг имен за счет абстрактных существительных (*fraîcheur* – N_2 , *rêve* – N_1) и названий лиц (*je, Marie, Véronika* – N_1 , *Mauresques* – N_2). Поэтому структуры такого типа воплощают „в чистом виде” механизм использования понятия пространства и его признака. Так, в сочетании *couvrir les murs de mosaïques* глагол эксплицитно выражает отношение, суть которого находится в противопоставлении понятий *mur* – *mosaïques*; это пространство и его признак. Такую же роль играет и глагол *faire* в отношении *bouquet* – *sédum* или глагол *remplir* в отношении *lice* – *lymphe, lait*; в последнем случае мы имеем возможность восстановить генетическую последовательность развития этой модели, вместо лица вставляя любое имя, обозначающее посуду (*bouteille* – *lait*), а понятие лица сопоставляя с *lymphe* как предметом, определяющим структуру живой субстанции (*personne* – *lymphe*).

Генетическим прототипом последней группы (6) можно считать сочетание *traverser l'adversaire d'une épée*. Глагол *traverser* допускает дополнение N_2 как спецификацию действия *traverser*, который обычно употребляется только с дополнением N_1 (*traverser la terre (pour creuser)*, *traverser une forêt*); эта спецификация как совершение действия при помощи орудия (инструмента) может быть эксплицитно выражена обстоятельством (*creuser la terre avec une pelle*). В связи с тем, что при помощи метонимической операции язык расширяет круг имен, выполняющих роль субъекта предикации, инструмент может стать подлежащим: *la pelle creuse la terre*, вследствие чего *la pelle* при транспозиции глагола может оказаться агентом.

Агентивная функция имени-инструмента может сливаться с обстоятельственной – *la terre est creusée par la pelle*. Рассматривая изменение модели со способом действия для характеристики лиц, можно констатировать приобретение инструментом абстрактного характера: инструмент превращается в понятие, которое изменяет психическое или физиологическое состояние лица и вместе с перфективным зна-

чением глагола подчеркивает внезапность этого изменения. Тем самым N_1 становится достоянием лица и выражает признак пространства живой субстанции, определяющий характеристику „внутреннего состояния“ лица. Таким образом признак, соответствующий N_2 , непосредственно включает в пространство N и теряет свое этимологическое значение инструмента.

В конце изложения можно упомянуть тенденцию языка к грамматизации пространственной сути структуры $V-N_1-N_2$, отмечая член N_2 как генетически связанный с пространством при помощи отсутствия любых определителей имени и эксплицируя это отношение только предлогом *de*, что составляет 32% примеров рассматриваемой группы.

ЛИТЕРАТУРА

Benveniste E. La construction passive du parfait transitif // *Bulletin de la société de Linguistique de Paris*. 1952. 48. fasc. 1, N 136. P. 52.

Бенвенист Э. *Общая лингвистика*. Москва: Прогресс, 1974.

Гак В. Г. Высказывание и ситуация // *Проблемы структурной лингвистики* : 1972. Москва, 1973. С. 349–372.

Ginneken J. van Avoir et être (du point de vue de la linguistique générale) // *Mélanges Vallj*. Genève, 1939. С. 83.

Кубрякова Е. С. Язык пространства и пространство языка // *Известия РАН. Серия лит. и яз.* 1997. 56(3).

Лукшите Н. Содержание глагола и страдательное причастие во французском и литовском языках // *Kalbotyra*. 1985. XXXV(3). P. 89–97.

Лукшите Н. Форма $E + P$ как форма предикации именного признака (в литовском и французском языках) // *Kalbotyra*. 1987. XXXVII (3). P. 76–86.

Лукшите Н. Форма $E + P$ в литовском и французском языках и денотативная структура текста // *Kalbotyra*. 1989. 40(3). P. 65–73.

Мещанинов И. И. *Проблемы развития языка*. Ленинград: Наука, 1975. 351 с.

Мещанинов И. И. *Члены предложения и части речи*. Ленинград: Наука, 1978. 387 с.

Селиверстова О. Н. Семантический анализ экзистенциальных и поессивных конструкций в английском языке // *Категории бытия и обладания в языке*. Москва: Наука, 1977. С. 5–67.

Селиверстова О. Н. Понятие „множество“ и „пространство“ в семантике синтаксиса // *Известия АН СССР. Серия лит. и яз.* 1983. 42. С. 142–150.

Степанов Ю. С. *Имена, предикаты, предложения*. Москва: Наука, 1981. 360 с.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

A, Maxibulles – Aymé, M. *Les maxibulles*. Paris: Gallimard, 1962.

B, Sang – Beauvoir, S. de. *Le sang des autres*. Paris: Gallimard, 1953.

B, Malūnas – Boruta, K. *Baltaragio malūnas*. Vilnius, 1962.

C, Etranger – Camus, A. *L'Etranger*. Paris: Gallimard, 1962.

M, Boutiques – Modiano, P. *Rue des boutiques obscures*. Paris: Gallimard, 1978.

P, Swann – Proust, M. *Du côté de chez Swann. A la recherche du temps perdu*. Moscou: Progrès, 1976.

S, Mort – Sabatier, R. *La mort du figuier*. Paris: Albin Michel, 1962.

S, Nuages – Sagan, F. *Les merveilleux nuages*. Paris: Julliard, 1961.

S, Age – Sartre J.-P. *L'âge de raison. Les chemins de la liberté*. Paris: Gallimard, 1960.

S, Nausée – Sartre J.-P. *La nausée*. Paris: Gallimard, 1954.

ERDVĖ IR POŽYMIS, KAIP KALBOS FORMŲ SUDARYMO MECHANIZMAS, KALBOTYROS OBJEKTO TEORIJOS POŽIŪRIU

Nijolė Lukšytė

Re z i u m ė

Erdvė, kaip ir laikas, užima svarbią vietą interpretuojant gramatinių formų struktūrą ir funkcionavimą. Erdvė suvokiama kaip loginė sąvoka, padedanti atskleisti gramatinių-semantinių kategorijų specifiką, jų turinį lyginant su objektyvia tikrove. Toks

erdvės sąvokos vartojimas atitinka kalbos objekto sutapatinimą su kalbos, kaip visuo-
 meninio reiškimo sąvokos, individo planu („atskira“), su kuriuo susijusi ir sąvoka
 „semantika“, kaip gramatinių kalbos formų turinys. Tačiau „semantika“ yra kartu ir
 kalbos sąvokos „bendra“ aspektas, kuris savo turinį atskleidžia dėl būtinybės pagrįsti
 tokio idealybės tipo egzistavimą, kas įmanoma padaryti, pasitelkus sąvokas „materi-
 ja“ ir „idealybė“ ir nustačius jų tarpusavio priklausomybę, kaip abstrakčiausių vieno
 su kitu dialektiškai susijusių teorinių objektų ryšį. Kadangi kalba atitinka ne tik indi-
 vido duotybę, bet yra ir minėto idealybės aspekto įkūnytoja, kalbos formų struktūros
 reprezentuoja tam tikrą kalbos kategorijų turinį, kuriam formuoti yra naudojamas ir
 erdvės, ir požymio mechanizmas. Tai universalus pobūdžio mechanizmas, kurio vei-
 kimas straipsnyje yra iliustruojamas keletu tipų gramatikos reiškiniais. Su juo susijusi
 aprašomojo teksto kategorija, kur erdvė, atitinkanti peizažą, natūrmortą ar portre-
 tą, remiasi daiktavardžiais-veiksniais, aktualizuojančiais jos požymius. Požyminę šių
 daiktavardžių prigimtį atskleidžia nežymimasis artikkelis; tai atitinka teksto kognityvi-
 nį aspektą, tuo tarpu jo komunikatyvinis aspektas gali sąlygoti žymintųjų artikkelių ir
 kitų determinatyvų vartojimą.

Erdvės ir požymio santykis taip pat atskleidžiamas analizuojant vardažodinio po-
 žymio sudarymo mechanizmą, kai daiktavardis, susijęs priklausomybės santykiu su
 kitu daiktavardžiu, sudaro sąlygas pastarajam būti transponuotam į vardažodinį po-
 žymį, turintį sufiksą -é, -u, derantį ir su būdvardžiais, ir su dalyviais:

un homme armé

un homme barbu

Erdvės ir požymio santykis atsiskleidžia tranzityvinio sakinio struktūroje, kuri yra
 veiksmožodinio požymio raidos išdava, pasireiškianti tiesioginio ir netiesioginio sa-
 kinių seka (V–N₁–N₂). Veiksmožodžio ir papildinių sistema, kaip požymio turinio
 reiškėja, pasižymi semantiniu sinkretizmu, kuris N₁ ir N₂ santykį sąlygoja kaip erdvės
 ir požymio santykį: joncher le chemin de fleurs:

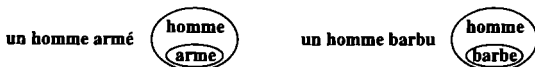
Sakinyje ši konstrukcija vartojama su veiksmožodžiu, transportu į vardažodinį
 požymį: le chemin est jonché de fleurs.

L'ESPACE ET SA CARACTÉRISTIQUE EN TANT QUE MÉCANISME DE LA FORMATION DES STRUCTURES DE LANGUE SOUS L'ASPECT DE LA THÉORIE DE L'OBJET DE LINGUISTIQUE

Nijolė Lukšytė

Résumé

L'espace aussi que le temps occupe une place importante dans l'interprétation de la structure et du fonctionnement des formes grammaticales. L'espace présente une notion logique utilisée pour dégager la spécificité des catégories grammaticales en opposant leur contenu à la réalité objective. Cette manipulation de la notion „espace“ est adéquate au contenu de l'objet de linguistique, correspondant au plan de l'individu de la notion sociale „langue“ auquel se rapporte „la sémantique“ en tant que contenu des formes grammaticales. Comme „la sémantique“ présente aussi un aspect généralisé de la notion „langue“ il se pose la nécessité de définir son contenu et de présenter les fondements de l'existence d'un tel type d'idéalité ce qui suppose l'élaboration d'une méthodologie basée sur l'interprétation du rapport dialectique des concepts „la matière“ et „l'idéalité“ en tant que objets théoriques du plus haut degré d'idéalisation. Comme la langue correspond non seulement à la réalité de l'individu mais se définit en même temps comme support matériel de l'idéalité de l'aspect mentionné, on peut affirmer que les structures de langue représentent un certain contenu des catégories pour la formation duquel la langue utilise le mécanisme de l'espace et de sa caractéristique. Dans l'article ce mécanisme est présenté en analysant trois groupes de phénomènes linguistiques: 1) le texte descriptif qui est traité comme une unité communicative et cognitive présentant une structure spatiale formée par la disposition dans le texte des noms – sujets qui jouent le rôle des caractéristiques de l'espace; 2) la formation de la partie du discours en tant que caractéristique nominale à l'aide du suffixe -é, -u marquant l'appartenance du mot à la classe des participes passés aussi qu'à la classe des adjectifs. Le mécanisme mentionné sert à transposer le nom en partie du discours caractérisante nominale:

Le même mécanisme se révèle dans la structure de la phrase transitive où le verbe et ses compléments (direct et indirect) V-N₁-N₂ présentent un système du contenu syncrétique, où le verbe joue le rôle du facteur permettant de constituer un rapport entre N₁ et N₂ comme analogue au rapport de l'espace et de sa caractéristique: joncher le chemin de fleurs – le chemin est jonché de fleurs;

Vilniaus universiteto
Prancūzų filologijos katedra

Įteikta
1998 m. sausio mėn.